

Сагателян Вачик Ашотович

преподаватель кафедры режиссуры кино
и телевидения
Краснодарского государственного университета
культуры и искусств
dom-hors@mail.ru

**КУЛЬТУРАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ТЕОРИИ ИЗМЕНЕНИЯ МОДЫ
В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ**

Аннотация:

В статье рассмотрены культурантропологические теории изменения моды в системе культуры. На основе анализа концепций Мэри Дуглас о модном тренде как отклонении от нормы и Клиффорда Гирца о взаимодействии моделей из прошлого и моделей для будущего как балансе в модных тенденциях, автор приходит к выводу, что процесс изменений в одежде часто начинается с поиска значения.

Ключевые слова:

культура, культурная антропология, мода, теория, изменение, механизм, тренд, модель, образ, ритуал, М. Дуглас, К. Гирц.

Sagatelyan Vachik Ashotovich

Lecturer of the Movie and Television
Direction Department,
Krasnodar State University of
Culture and Arts
dom-hors@mail.ru

**CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL
THEORIES OF FASHION DEVELOPMENT
IN THE SYSTEM OF CULTURE**

Summary:

The article deals with cultural and anthropological theories of fashion development in the system of culture. Basing upon research of Mary Douglas's ideas of fashion trend as a deviation from the norm and Clifford Geertz's conception of correlation between models of past and models for future as a fashion trends balance, the author concludes that the process of clothes change often begins with the search for a meaning.

Keywords:

culture, cultural anthropology, fashion, theory, change, mechanism, trend, model, image, ritual, M. Douglas, C. Geertz.

Исследования феномена моды сегодня широко представлены в рамках проблематики таких дисциплин, как философия, психология, социология, искусствоведение, культурология, межкультурная коммуникация и другие. Представляя собой сложное многогранное явление, составляющее значительный пласт культуры, мода играет существенную роль в определении форм социального поведения, становится средством выражения идеалов различных слоев общества. Многозначность и «многоуровневость» явлений моды в истории культуры, разнонаправленность векторов ее изменения обусловила наличие множества методологических подходов к анализу моды и модных изменений.

Наиболее точно состояние изучения моды определил американский теоретик Дж. Сплорс: «Психологи говорят о моде как о поиске индивидуальности; социологи рассматривают классовую конкуренцию и социальное соответствие нормам одежды; экономисты рассматривают моду как поиски дефицита; специалисты по эстетике рассматривают художественные составляющие и идеалы красоты; историки предлагают объяснения эволюционных изменений в дизайне. Буквально сотни точек зрения раскрываются в литературе более необъятной, чем любой феномен потребительского поведения» [1, p. 463].

За период существования моды, а ее возникновение как социокультурного феномена, историки и культурологи, по утверждению А.В. Конева, относят ко времени позднего средневековья или как минимум к XVII столетию, наиболее интенсивные ее изменения приходятся на XX в. и настоящее время [См.: 2, с. 127–145]. Мода захватывает новые смысловые поля, становится универсальным механизмом изменения социокультурного культурного опыта, включая трансляцию ценностей, норм, образцов поведения.

Теории изменения моды, вытекающие из конкретной области знаний, часто подвержены влиянию научной школы или системы взглядов или понятий актуальных для конкретной научной парадигмы.

Теория моды, как специфическое направление современных научных исследований, оказывается в поле между теорией и практикой, поскольку вырастает на пересечении истории культуры, истории искусств и истории костюма, с одной стороны, и маркетинговых исследований и пиар-стратегий, с другой, отмечает А. В. Конева [3, с. 138–142].

В связи с этим с тех пор, как культурология утвердила себя в качестве междисциплинарной стратегии, исследующей человека и общество, стадии и циклы их изменений, методологическое разнообразие в осмыслении феномена моды постепенно движется к единству, траекто-

рии модных изменений, их причины и следствия наиболее перспективно изучать в рамках культурологического подхода.

Настоящая статья посвящена рассмотрению теорий изменения моды с опорой на методологический инструментарий антропологии культуры, которые сконцентрированы вокруг следующего тезиса: почему мода меняется, когда люди пытаются переосмыслить свое существование внутри собственной культуры.

Внутренняя неудовлетворенность как источник модных изменений. Концепция Мэри Дуглас

Изложение антропологической концепции модных изменений и их последующей адаптации в повседневной моде необходимо начать с изучения работы Мэри Дуглас (1921–2007), британского социального антрополога, последовательницы Э. Дюркгейма и сторонницы структурного анализа. В своей основной работе «Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу» [4] она исследует словесные обозначения и значения грязи в различных контекстах, определяя различия между священным, чистым и нечистым в кросскультурной перспективе.

М. Дуглас придавала большое значение пограничным ситуациям, в рамках которых устоявшаяся общепризнанная система категорий начинает разрушаться и подвергаться сомнению, провоцируя тем самым внутрикультурное беспокойство. В рамках каждой культурной среды существуют люди и события, не соответствующие нормам своей референтной группы. Те, кому с точки зрения общества удастся соответствовать принятым стандартам, пользуются уважением как успешные представители группы. Эти люди получают право на ношение одежды, подчеркивающей их статус, и они охотно его демонстрируют. Те, которые не полностью соответствуют нормам, либо делают попытки подстроиться под стандарт, либо бросают вызов существующей системе. И они часто пользуются для этого собственной одеждой и внешним видом. Такие люди обладают потенциалом способствовать изменениям. С точки зрения Мэри Дуглас, назначение ритуалов заключается не только в том, чтобы подтвердить и заявить общепринятые правила. Но в периоды культурного волнения, когда люди и их опыт больше не вписываются в принятую систему категоризации, рождаются новые ритуалы.

Первый общеизвестный пример массового заимствования белыми поселенцами образцов одежды североамериканских индейцев возник как результат внутрикультурной неудовлетворенности, когда мятежные английские колонисты предприняли первую попытку обособиться от своей исторической родины и обозначить зарождающуюся американскую национальную идентичность. Этот пример не сводится к простому распространению модных трендов. Согласно выводам Мэри Дуглас, понятия «американский гражданин» в тот период еще не существовало, поэтому люди, которые больше не испытывали верноподданнических чувств к британской короне, должны были искать для себя другой вариант национальной идентичности. В рамках этой маргинальной зоны произошел первый документально зафиксированный случай использования белым человеком костюма североамериканских индейцев для обозначения принадлежности американской национальной идентичности.

Многим знакома история Бостонского чаепития, когда белые колонисты, переодевшись в костюмы индейцев, совершили дерзкое нападение на британский караван судов, пришвартованных в бостонской гавани, и захватили перевозимый груз. В данном случае одежду использовали с целью бросить вызов существующей системе. Человек, прибывший в Новую Англию из Старого Света, первоначально считался подданным Англии и англичанином по национальности. Колонисты прикладывали все усилия, чтобы разорвать свою связь с Англией и создать новую нацию американцев. Заимствование одежды североамериканских индейцев позволило им порвать с прежней системой стандартов. Делориа писал, что переодевшись в костюмы индейцев, мятежные колонисты смогли «оставить позади свой колониальный статус, найти себя и стать американцами» [5, р. 69]. Это первый в истории случай сознательного выбора белого человека из Старого Света в пользу сурового, мужественного образа североамериканского индейца, отраженный в символизме костюма. Одежда, предназначенная для военных или охотничьих походов, органично вписалась в структуру американской национальной идентичности. Позднее она возродится в форме заимствования различных элементов в модных течениях в XIX, XX и XXI вв.

Несколько иначе обстоит дело с теми, кому не удается найти пристанище внутри массовой культурной системы и кто вынужден жить, ограничиваясь рамками узкого маргинального поля. Чтобы избавиться от чувства недовольства, такие люди ищут способы самовыражения за пределами этой культуры, формируя новые субкультуры. Другими словами, если родная культурная среда не может предоставить место в своей системе, человеку приходится искать круг, который примет его. Очевидно, что такие тренды могут получить более широкое распространение в моде.

Ритуал как источник изменений в моде. Концепция Клиффорда Гирца

Клиффорд Гирц (1926–2006) – американский антрополог и социолог, основатель интерпретативной антропологии, занимающейся изучением различных культур и влиянием концеп-

ции культуры на концепцию человека. Знакомство с его представлениями о том, каким образом ритуал способствует формированию культурных трансформаций, может быть полезно при исследовании того, как изменения моды могут интерпретироваться в качестве поиска значения. Гирц определял культуру как исторический, переходящий из поколения в поколение набор значений, выраженный в форме символов, таких как одежда, посредством которых люди передают друг другу, сохраняют и преумножают знания о существующем мире [6]. По его мнению, люди создают ритуалы, чтобы перенести значения прошлого в настоящее, а также для закрепления новых значений, когда они переживают изменения внутри своей культуры или в повседневной жизни. Согласно определению культуры, данному Гирцем, одежда при использовании в ритуальных целях представляет собой форму символического поведения и играет роль культурной модели. Она выражает, обеспечивает преемственность и помогает создавать внутрикультурные типы отношений и стереотипов. В зависимости от уровня общественного признания, представленного в ритуале, одежда, используемая в церемониальном контексте, может получить более широкое распространение и казаться заимствованной модной тенденцией, существующей за рамками официального ритуала.

При чтении работ Гирца возникает вопрос: как одежда, надеваемая для церемониала ритуального события, может преобразоваться в широко распространенный модный тренд? Автор считает, что ритуал обладает способностью смешивать культурные модели повседневной реальности с моделями, отражающими идеализированную трансцендентную реальность. Когда люди участвуют в ритуале, рассуждает он далее, именно одежда, содержащая в себе символический смысл, соединяет вместе эти две модели. Иными словами, костюм, в котором в некоторой степени сочетаются повседневная и идеализированная реальности, помогает участникам ритуала вообразить и пережить трансформированную версию повседневности. Таково значение, которое приносится в обычную жизнь посредством ритуала. Соприкосновение с идеализированной версией нормы и обычной реальностью, происходящее всякий раз, когда символы двух видов реальности пересекаются друг с другом, побуждает к действию и преобразует участников ритуала, а символы в свою очередь начинают оказывать взаимное влияние друг на друга. По словам Гирца, «во время ритуала тот мир, в котором человек живет, и тот, который он себе вообразил, становятся единым целым под влиянием набора символических форм» [7, р. 112]. В нашем случае — это одежда, представляющая в итоге цельную картину мира. Когда посредством символов реальность и идеал встречаются, создаются предпосылки для трансформации и изменения самосознания.

С точки зрения теории костюма, в рамках ритуала происходит встреча между реальной и желаемой концепциями личности. Это выражается посредством одежды и соответствующего поведения. В распоряжении участников имеется набор доступных образцов одежды, из которых они могут составить символический ансамбль, выполняющий функцию визуального выражения действительной или желаемой культурной идентичности. Сравнение обычной повседневной жизни и существующих личностных ожиданий с идеализированным представлением о себе, визуально представленным благодаря одежде, приводит к саморефлексии и может стать предпосылкой для изменения устоявшихся культурных категорий и ролей. Косвенным признанием способности ритуала трансформировать культурные нормы являются вечные дискуссии о том, соответствует ли случаю одежда того ли иного участника. Таким образом проявляется реакция аудитории, наблюдающей за ритуалом, разворачивающимся на их глазах.

Подобное использование ритуала в качестве источника повышения самосознания и мощного средства для создания новой идентичности можно найти в исторических примерах белых американцев, использовавших традиционную одежду индейцев. Еще один пример взят из истории раннего периода развития бойскаутского движения в Соединенных Штатах в начале XX в. В то время урбанизация и индустриализация уводили образ американца все дальше от воинственного образа ковбоев из ранней истории американского мужского братства. По мнению некоторых людей, это немедленно сказалось на социализации мальчиков, что привело к их изнеженности и феминизации мужского «я». Движение бойскаутов в Америке возникло как протест против происходящих в обществе изменений. Его создатели видели свою миссию в том, чтобы вернуть актуальность образу суровой мужественности воина и охотника и внедрить ее в систему обучения юных американцев. Один из первых лидеров движения Эрнст Томас Сетон предлагал решить эту задачу, показав мальчикам, как одевались индейцы, обучив их традициям и навыкам представителей этого народа. Таким способом он надеялся возродить лучшие из черт американского характера в подрастающих мужчинах, живущих в современной Америке, когда эпоха освоения «дикого Запада» (Фронттира) ушла далеко в прошлое [8].

Манера одеваться как индейцы и изготовленная вручную одежда были ключевыми компонентами учебной программы, которую мальчики постигали в палаточных городках под руко-

водством Сетона. Идея заключалась в том, что в процессе самостоятельного изготовления одежды мальчики будут внутренне меняться, пытаясь адаптировать значение и опыт, заключенные в индейской одежде, к повседневной жизни. Используя концепцию Гирца о модели действительности и модели, создающей действительность, можно сказать, что для мальчиков символический смысл мужественности передавался через изготовление и ношение костюмов. Трансформация образца мужского поведения, которому они научились в городских кварталах постфронтирной Америки, происходила тогда, когда они сравнивали ее с моделью мужественности, заимствованной из военного и охотничьего опыта североамериканских индейцев. Модные тенденции в виде украшенной бахромой и стеклярусом верхней одежды и аксессуаров появлялись, когда эти юноши возвращались к повседневной жизни с желанием отобразить новую версию мужественности в повседневной одежде.

Модные тренды, имеющие прямое отношение к символу мужественности, основанному на влиянии культуры североамериканских индейцев, продолжали генерировать значения и модные изменения на протяжении всего XX и начала XXI в. Например, в 1950-х гг. повальное увлечение Дейви Крокеттом, прокатившееся по Америке с легкой руки популярной телепередачи, привело к производству линии одежды, включающей кожаные куртки и жакеты, отделанные бахромой [9].

* * *

Рассмотренные нами две концепции американских антропологов, иллюстрирующие процессы изменений моды в системе культуры – модный тренд как отклонение от нормы (М. Дуглас) и баланс в модных тенденциях (К. Гирц), когда белые американцы обращались к традиционным костюмам индейцев. На основании этих примеров группового заимствования одежды можно утверждать, что процесс изменений в одежде часто начинается с поиска значения.

Одним из способов, для которых поиск значения отражается в изменении моды, реализуется благодаря людям, принадлежащим к определенной культурной традиции, однако систематически нарушающим ее правила. Выходя за рамки общепринятых образов. Опираясь на выводы М. Дуглас [10], следует признать, что модное обновление культурной среды происходит посредством изменений, которые зарождаются в маргинальных слоях, получая впоследствии широкое распространение.

В соответствии с теорией К. Гирца [11], ритуалы – это пространство воплощения в жизнь идеальных версий самих себя, которые затем сравниваются с ролями и образами повседневной жизни. Одежда, выступающая необходимым дополнением ритуальной роли, представляет собой систему визуальных символов и выражает сущность социальных ритуалов, начиная от жестко регламентированных социальных церемоний и заканчивая событиями поп-культуры. Изменения в моде начинаются тогда, когда участники одеваются для ритуала, а аудитория сравнивает и противопоставляет повседневную реальность идеальным образам. В случае, если эти отличия слишком явные, ритуал будет способствовать формированию новых образов модной индивидуальности и модных тенденций.

Ссылки:

1. Sproles G.D. Fashion Theory: a Conceptual Framework // *Advances in Consumer Resherch*. 1974. Vol. 1, Is. 1.
2. Конева А.В. Мода в социальном бытии: от включенности к исключительности // *Фундаментальные проблемы культурологии: сб. ст. по материалам конгресса*. Т. 6: Культурное наследие: от прошлого к будущему / отв. ред. Д.Л. Спивак. М., 2009.
3. Конева А. В. Мода: презентация индивидуальности и коды идентификации // *Международный журнал исследований культуры*. 2010. № 1.
4. Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р. Громовой под редакцией С. Баньковской; вст. ст. и комм. С. Баньковской. М., 2000.
5. Deloria P *Playing Indian*. New Haven, 1998.
6. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М., 2004.
7. Там же.
8. Deloria, P *Playing Indian*. New Haven, 1998.
9. Anderson P.F. *The Davy Crockett Craze: A Look at the 1950's Phenomenon and Davy Crockett Collectibles*. Hillside, Illinois, 1996.
10. Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р. Громовой под редакцией С. Баньковской; вст. ст. и комм. С. Баньковской. М., 2000.
11. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М., 2004.

References:

1. Sproles, GD 1974, 'Fashion Theory: a Conceptual Framework', *Advances in Consumer Resherch*, vol. 1, issue 1.
2. Konev, AV 2009, 'Fashion is in the social existence: from inclusion to the oneness', in DL Spivak (ed.), *Fundamental problems of culture: Congress Materials. Vol. 6: Cultural heritage: from past to future*, Moscow.
3. Konev, AV 2010, 'Fashion: presentation of identity and identification codes', *International Journal of Cultural Studies*, no. 1.
4. Douglas, M 2000, *Purity and Danger: Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*, in S Bankovskaya (ed.), Moscow.

5. Deloria, P 1998, *Playing Indian*, New Haven.
6. Geertz ,C 2004, *The Interpretation of Cultures*, Moscow.
7. Geertz ,C 2004, *The Interpretation of Cultures*, Moscow.
8. Deloria, P 1998, *Playing Indian*, New Haven.
9. Anderson, PF 1996, *The Davy Crockett Craze: A Look at the 1950's Phenomenon and Davy Crockett Collectibles*, Hillside, Illinois.
10. Douglas, M 2000, *Purity and Danger: Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*, in S Bankovskaya (ed.), Moscow.
11. Geertz ,C 2004, *The Interpretation of Cultures*, Moscow.